

Собеседование первое – женщина

— Полагаю, условия стандартные?

Человек, изредка предлагавший ей работу, почти никогда не отвечал прямо. Ее тонкие пальцы непроизвольно постукивали по крышке стола.

— На этот раз работать придется подольше и подальше, чем обычно.

— Сроки значения не имеют, — ответила актриса. — Для женщин моего возраста больше никто не пишет главных ролей.

Она по-прежнему испытывала к нему отвращение — к неестественно бледному цвету его кожи, беспощадным глазам, — но имелись здесь и свои плюсы, и дело было не только в деньгах. Благодаря этому человеку ей уже посчастливилось пожить на яхте, которую трудно описать иначе как «плавающий в Южно-Китайском море особняк», побывать в шале в Доломитовых Альпах и во флорентийском палаццо. Вся эта роскошь принадлежала ему, и она слышала и о другой подобной недвижимости. Ее внимание привлекла вторая часть фразы.

— Вы сказали «подальше»?

— И значительно, но все равно в пределах Англии.

Она почувствовала легкий укол разочарования, но сдержалась, удивленная резкостью его ответа и тем фактом, что в Англии еще существуют по-настоящему далекие уголки.

— От вас требуется вести себя сдержанно. И производить нужное впечатление на местных. Только и всего.

Актриса улыбнулась. Она умела производить впечатление — природный дар.

— Все то же, и роль, и костюмы?

— Само собой.

На этом месте собеседование, как правило, подходило к концу, но в этот раз она все же не смогла подавить любопытство:

— А где именно в Англии?

— В Роттерворде.

В ее взгляде мелькнуло изумление.

— Но ведь местные к себе никого не пускают. Они живут отдельно, они другие.

— Видимо, я являюсь исключением.

— Исключением являются ваши деньги.

— Тоже правда — наемные стекольщики, реставраторы по дереву, укладчики и штукатуры влетели мне в копеечку. Приготовьтесь играть хозяйку елизаветинского поместья. — Он поднялся, прежде чем продолжить, сделав жест, означающий «больше никаких вопросов». — И еще одна деталь — сумеете изобразить материнский инстинкт?

«Изобразить материнский инстинкт» — его манера выражаться наводила на неприятные размышления. Актриса кивнула, прекрасно понимая, что ее красота не производит на него никакого впечатления. Их общение всегда оставалось чисто деловым.

Он сжал ее ладонь своей холодной рукой — запястье птичье, зато хватка железная.

— Тогда договорились, — заключил он, передавая ей чек с авансом — колоссальной суммой за то, чтобы играть на публике жену, которой он никогда не имел в действительности.

2

Собеседование второе – мальчик

Мальчик стоял на выходе из станции Воксхолл, повернувшись лицом к мосту, ведущему через мозаику автодорожных полос, пешеходных светофоров и автобусных остановок. Стоял жуткий холод, и в 6.20 утра было еще темно. По идее, он пришел вовремя. Он коснулся пальцами лежащего в кармане складного ножа. Если клиент окажется каким-нибудь извращенцем, ему придется за это дорого заплатить.

Не удостоив вниманием подземный переход, мальчик принялся перепрыгивать через ограждения. Молодой полицейский, которого насторожил его потрепанный вид, двинулся к нему. Заметив выпуклость в кармане его куртки, полицейский подумал было, не задержать ли мальчишку, но в конце концов решил не связываться с ним. Он находился за пределами своей юрисдикции, к тому же один.

Нарисованный от руки план указал мальчику путь в направлении речного квартала к западу от моста; инструкции предписывали ему «нажать П» на двери дома, добравшись до места назначения. Мальчик огляделся — богато, богаче некуда. Он опасался, что «П» будет означать парковку, а у него не было ни малейшего желания забираться в машину к незнакомцу, но эту «П» он обнаружил в стройном ряду серебристых кнопок. Страх сменился приятным волнением. Он нюхом почуял выгоду. На него обратил внимание какой-то богач. Возможно, общество считало его жертвой обстоятельств, но на самом деле он никогда не был жертвой. Плохая репутация давала свои преимущества: вот и сейчас очередной тупица решил его облагодетельствовать.

Он нажал на кнопку и услышал плавный голос из решетки динамика: «Направляйся к лифту. Когда дойдешь, еще раз нажми “П”».

Дверь со щелчком открылась. Там, где мальчик вырос, лифты были редкостью, а те, что имелись, уж точно никогда не работали. В лифтах назначали встречи, заключали сделки и рисовали граффити. Этот лифт был застелен ковром с ворсом по щиколотку и украшен фигурными зеркалами. Лифт бесшумно поднимался вверх, и, если бы не зажигающиеся и гаснущие кнопки с номерами, было бы невозможно ощутить, что он куда-то едет.

Наконец мальчик вышел в лобби и ахнул от захватывающего дух вида за окном: тусклый солнечный свет играл на речной глади среди просыпающегося перед ним города. Теперь на улицах появилось больше машин, изредка попадались велосипедисты. Над столом на уровне глаз висела картина с изображением той же реки, залитой вечерним светом, с небольшой надписью на медной пластинке: «Моне, 1901». Чуть ниже картины на мальчика в упор глядела бронзовая лягушка.

Он не ошибся в своих подозрениях. За ним следили. В другом помещении над телескопом склонился мужчина с кожей бледной, почти как у альбиноса, коротко стриженными серебристыми волосами и высоким лбом. Лицо его избороздили тонкие морщинки, будто его обрабатывали каким-то редким антивозрастным средством. Еще у незнакомца были длинные, почти как у скелета, руки и ногти с маникюром. Индийского стиля пиджак, темные брюки и шелковая рубашка с открытым воротом соответствовали непринужденной элегантности всего пентхауза. Мальчик не догадывался о том, что хозяин лично подбирал картины и мебель, поскольку с неодобрением относился

к богачам, которые обращались к консультантам, когда требовалось проявить хороший вкус.

Мужчина протер линзу телескопа, закрыл ее футляром и повернулся к камерам внутреннего наблюдения. Мальчик, конечно, сущий варвар, но его осанка и лицо вселяли надежду. Незнакомец нажал на кнопку внутренней связи:

— Проведите его сюда. И заберите нож.

Охранник выполнил приказание, и мальчик особенно не сопротивлялся: он знал, когда не стоит с кем-то связываться. Его проводили в офис, где на стеклянном столе выстроилась шеренга компьютеров. Рядом с современным оборудованием виднелись старинные предметы и картины, которые не говорили мальчику ни о чем, лишь об очевидном богатстве. Увидев его, хозяин вскочил с кресла, и мальчик тут же изменил свое мнение: этот человек уж точно не занимался благотворительностью. Губы незнакомца искривились в бессердечной ухмылке.

Сбитый с толку, мальчик попытался принять защитную стойку.

— И что я тут забыл?

Он привык играть в гляделки с такими людьми — адвокатами, окружными судьями, детскими психиатрами, социальными работниками, полицейскими, конкурентами по району, — но именно этот беспощадный взгляд выдержать не смог. Хуже того, мужчина продолжал молчать.

Мальчик также привык общаться с людьми, которые всегда говорили по существу: «двадцатка, два кило, виновен или не виновен, кого порезать»; деловые беседы.

Когда голос все же прозвучал, он оказался таким же твердым, как и рукопожатие:

— Может, хочешь чего-нибудь выпить?

— Я сюда не пить пришел.

— Тогда принесите мне чашечку кофе, — сказал старик, — умеренно сладкого. И миндальное печенье для нашего друга — без напитков. — Секретарь вышел из комнаты. — Я благодарен тебе за визит, — продолжил мужчина.

— Так зачем я вообще сюда пришел?

— Присядь, пожалуйста.

Мальчик послушался, про себя отмечая, что оба подлокотника кресла увенчивала резная голова какого-то хищника.

Внимательно изучив лицо собеседника, мужчина вновь изобразил нечто напоминающее улыбку: похоже, результат его удовлетворил.

— Зачем ты сюда пришел? Справедливый вопрос. Можешь считать, что тебе предстоит скорее играть роль, чем выполнять задание.

Мальчик терпеть не мог пустопорожней болтовни. Крылья его носа подрагивали из-за маслянистого аромата, исходившего от волос старика.

— Будешь играть роль — понял?

— Понятия не имею, о чем вы.

Мужчина поднес к лицу листок со списком обвинительных приговоров мальчишки — места, даты, характер правонарушений и решения суда.

— Выдавал себя за другое лицо с целью обмана; подделка, вымогательство, мошенничество... — Список растянулся на несколько страниц — безнравственная смесь вранья и жестокости.

Мальчик решил изобразить жертву:

— Мне ж самому нелегко пришлось. Какой у меня выбор, верно?

— Выбора было предостаточно. Просто тебя смогли поймать.

Теперь мальчик окончательно понял, что здесь его будут использовать, а не спасать.

— Ну и чего вы тогда хотите?

— Я потерял кое-что редкое и ценное. Тебе нужно знать лишь то, что с тех пор прошло много-много лет.

— Тогда вы должны будете хорошенько заплатить.

— Я ничего никому не должен.

Вошел секретарь с подносом, и комнату заполнил аромат свежайшего миндального печенья. Мальчик тут же схватил одно. Хозяин последовал его примеру, но с непринужденной элегантностью.

— Если денег мне здесь не светит... — начал мальчик с набитым ртом. Старик не торопясь сделал глоток кофе.

— Ты готов отклонить мои условия, даже не выслушав их?

Мальчик прикусил губу.

— Ну сколько тогда? — спросил он.

— Достаточно для моего сына.

Моего сына! Мальчик подавил рвавшийся из горла возглас удивления. Может, в конце концов...

— И это... сколько?

— Речь идет о тысячах.

В голову мальчику пришло пафосное выражение: «Сын и наследник».

— А свои дети у вас есть?

— К несчастью, мы с женой не были благословлены этим даром. Значит, ищет сына. Но почему выбрал именно его?

— А как насчет моего инспектора по надзору?

— Мы уже подготовили бумаги об усыновлении. Тебе осталось только подписать.

— И все это ради того, чтобы найти... Что именно вы хотите найти? Этот вопрос старик проигнорировал.

— Тебе придется измениться — новое имя, новая одежда, новый голос.

Учитывая, что наниматель так ничего и не сказал по существу, разговор угрожающе быстро принял серьезный оборот.

— А что, если я откажусь?

— Сначала откажись, тогда и узнаешь.

— Кантоваться будем тут?

— Да, пару месяцев, пока не приведем тебя в должный вид, а потом уедем в городок в глубинке. Ты еще никогда не был на природе. А опыт — это разновидность власти, Родни.

— Что еще за Родни?

— Имя Родни ему подойдет, как думаешь? — спросил старик у своего секретаря и добавил: — Для работы тоже сгодится.

— Совершенно верно, сэр Веронал, — согласился секретарь.

Сэр Веронал! С сэрами мальчику еще не доводилось встречаться, как, впрочем, и с Вероналами.

— И зачем вы это делаете? — поинтересовался мальчик.

— Я — филантроп, — пояснил сэр Веронал. — Люблю отдавать. «Но не без того, чтобы сначала взять свое», — подумал мальчик.

— И когда я делаю щедрые предложения, то предпочитаю получать на них ответ.

Выбор был очевиден, но мальчика донимало желание переиграть противника.

— Наверное, в этом что-то есть, только сначала объясните, что мне искать.

Морщины на лице сэра Веронала внезапно углубились и стали напоминать шрамы.

— Нечто такое, что всегда остается с тобой, даже если исчезает. В моем случае эту вещь похитили. — Сэр Веронал поднялся. —

Естественно, без определенных условий не обойтись. Насилие, как правило, является свидетельством поражения. Как пишут на упаковках с лекарственными препаратами: использовать строго в соответствии с указаниями врача. И помни, я нанимаю тебя для того, чтобы ты стал моими ушами — в школе, на улице и в любом другом месте.

— В школе?

— Дети на самом деле знают больше, чем кажется взрослым, но им не хватает сдержанности. — Сэр Веронал улыбнулся: такое слово, как сдержанность, могло показаться мальчику непонятным. — Я хочу сказать, что нужно держать рот на замке. Тебе следует научиться втираться в любое общество.

В комнату изящной поступью вплыла красивая высокая женщина средних лет с мраморно-белой кожей и темными волосами, скрепленными сзади золотой заколкой. Ее глаза имели удивительный фиолетовый оттенок, а осанка наводила на мысли, что она долго училась держаться с предельной элегантностью.

Она говорила тихо, но удивительно четко:

— Добро пожаловать домой, Родни.

— Это — леди Имоджен, — пояснил сэр Веронал.

Родни робко протянул руку для рукопожатия, в то время как сэр Веронал позволил себе еще одну улыбку. Дикого жеребенка наконец оседлали.

— Нам нужен хорошо воспитанный английский мальчик с шармом и без всякой заносчивости. Для начала придется тебя приодеть. А затем поработаем над твоей речью.

Мальчик послушно кивнул. Похоже, его благодетели — люди ненормальные, а значит, подходящая добыча. «Просто подыграй им, — сказал он себе, — просто подыграй».

3

Собеседование третье – учитель

Карьера Джоны Облонга на поприще учителя истории в общеобразовательной школе Мосс Лейн — его первом месте работы — была феерической, но недолгой. На вопрос, что случилось с предыдущим учителем, директор школы опустил взгляд на свои ботинки и промычал: «Сбежал в Австралию».

И очень скоро Облонг понял почему. Класс выделялся тем, что здесь разговаривали на семи отличных от английского языках, кроме того, мог похвастаться наличием трех хулиганов и четырех учеников, чьи родители с опаской относились к любым знаниям, которыми не владели сами.

А еще нужно учесть и внешность самого Облонга, не лицо его, довольно располагающее, но странные тонкие и непропорционально длинные ноги. К несуразному телосложению прибавьте неуклюжесть, которая могла показаться привлекательной в других обстоятельствах, однако не способствовала поддержанию дисциплины в аудитории.

Начал Облонг за здравие. Реконструкция Великого Пожара 1666 года¹ путем поджога картонного макета города на школьной стоянке возбудила небывалый доселе интерес к давнему прошлому Англии, однако вскоре этому фимиаму суждено было развеяться. Его задумка с разделением класса на группировки Алой и Белой Розы² закончилась тем, что были разбиты два окна, а представление короля Кнуда³ привело к потопу.

Традиционные методы не принесли лучших результатов. Проведя три минуты у доски, Конвей, главарь банды «Вивернские акулы» и известный ниспровергатель любых сторонних авторитетов, прервал учителя словами:

- Может, лучше о кубке мира поговорим?
- Он не относится к области исторических наук.
- Это еще почему?
- Потому что чемпионат еще не закончился.
- А как насчет прошлогоднего?

¹ Большой пожар в Лондоне — наименование пожара, охватившего центральные районы Лондона с воскресенья, 2 сентября, по среду, 5 сентября 1666 года. В пожаре сгорело 13500 домов, 87 приходских церквей (даже собор Святого Павла), большая часть правительственных зданий, крова лишилось более 70 тысяч человек. (*Примеч. ред.*)

² Война Алой и Белой розы, или Война роз — серия вооруженных династических конфликтов между группировками английской знати в 1455—1485 годах в борьбе за власть между сторонниками двух ветвей династии Плантагенетов — Ланкастеров и Йорков. Символом сторонников Йорков была белая роза, Ланкастеров — алая. (*Примеч. ред.*)

³ Кнуд Великий (также Кнут; 994/995—1035) — король Дании, Англии и Норвегии, владетель Шлезвига и Померании из династии Кнутлингов. Участвовал в многочисленных морских набегах викингов. (*Примеч. ред.*)